

Между двумя приливами

ИИ

Дмитрий Ветренский

Дмитрий Ветренский

Между двумя приливами

«Автор»

2026

Ветренский Д.

Между двумя приливами / Д. Ветренский — «Автор», 2026

Можно ли начать заново, не сбежав от себя, — и полюбить, не растворившись в другом? Анна приезжает в прибрежный город, где ветер пахнет солью, а расписание приливов напоминает: всё приходит и уходит. У старого причала её встречает незнакомец. Разговор о погоде становится началом близости — осторожной, без громких обещаний. Но неожиданный шторм, невысказанная правда и трудный выбор проверят, смогут ли они быть рядом, не переступая через себя. «Между двумя приливами» — романтическая драма о честности, личных границах и праве выбирать свой путь. Для тех, кто переживал расставание, боится новой близости или учится слышать собственные желания. Эта история напомнит: можно скучать и любить, не ставя жизнь на паузу; можно вернуться друг к другу, не возвращаясь к прежним себе. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Ветренский Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Город, который открывается на отливе	6
Незнакомец у старого причала	10
Разговор, начавшийся с погоды	15
Берег, по которому идут вдвоём	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Ветренский

Между двумя приливами

Между двумя приливами

Дмитрий Ветренский

Город, который открывается на отливе

Чемодан Анны застрял между досками набережной, когда автобус уже свернул за склад и исчез в сизой дымке. Она дёрнула ручку на себя. Колесо выскочило из щели, чемодан качнулся, едва не ударив её по голени, а ветер подхватил полы пальто и бросил в лицо запах соли, мокрой древесины и чего-то терпко-рыбного.

Анна остановилась, чтобы перевести дыхание. На набережной, сложенной из посеревших от времени досок, блестели лужи. В них дрожали канаты, фонари и кусок неба, похожий на стёртую синюю краску. Чуть дальше, на двери бакалейной лавки, висело расписание приливов. Лист заламывался на ветру, но крупные цифры читались: отлив — 13:48, низшая вода — 14:21.

В Малом Свете даже время, казалось, сверяли не по часам.

Хозяйка гостевого дома встретила Анну у порога, вытирая руки о передник.

— Надолго?

— На пару дней.

Женщина посмотрела на чемодан, потом на Анну.

— Так обычно говорят те, кто ещё не знает, надолго ли приехал.

— Наверное, — сказала Анна.

Ей досталась комната под самой крышей, с узкой кроватью и окном на гавань. Пока хозяйка показывала, где выключатель и как закрывается ставня, телефон в кармане пальто завибрировал дважды. Анна не стала доставать его. Она и так знала, кто пишет.

В сообщении Павла, пришедшем утром, было: «Ты заберёшь оставшиеся книги? И скажи, пожалуйста, мы правда всё решили?» Она прочитала его ещё в автобусе, на первом участке дороги, и с тех пор не ответила. На экране под ним теперь светилось имя сестры: «Ты доехала? Позвони, когда сможешь».

Анна поставила телефон экраном вниз на подоконник.

Из чемодана она достала чистую рубашку, зарядное устройство и тонкий блокнот в серой обложке. Остальные вещи можно было не распаковывать. Она приехала не обустраиваться, а переждать. Так она сказала себе, когда купила билет. Переждать, пока не станет ясно, что делать с городским адресом, с работой, с Павлом, с мастерской, доставшейся ей после маминой смерти. Впрочем, если не называть вещи вслух, иногда казалось, что они не требуют решения.

На нижней площадке лестницы хозяйка окликнула её:

— Если собираетесь к маяку, сегодня самый низкий отлив за месяц. Дорога откроется ненадолго. Местные уже ждут.

— К какому маяку?

— Старому. Там каменная коса. При обычной воде её почти не видно. А сегодня можно пройти. Только не зевайте: вода возвращается быстро.

Анна хотела сказать, что никуда не собирается. Вместо этого она застегнула пальто.

Внизу, у гавани, действительно собралась небольшая группа. Пожилой мужчина в резиновых сапогах проверял ремень на сумке. Девочка лет десяти держала за руку женщину в красном шарфе и разглядывала полоску моря, которая медленно отступала от берега. Двое рыбаков спорили, идти ли к маяку или сперва проверить лодки.

— Уже можно? — спросила Анна у человека с сумкой.

Он посмотрел на неё без удивления, словно каждый приезжий рано или поздно задавал этот вопрос.

— Скоро. Когда камни проступят целиком.

Она не уточнила, как понять, что они проступили целиком. Обычно Анна ждала объяснения до конца, точного и надёжного, с указанием, куда ставить ногу и что делать, если что-то пойдёт не так. Но мужчина уже отвернулся к морю.

На противоположной стороне гавани виднелась низкая постройка с заколоченным окном. Анна узнала её по покатой крыше, хотя не была здесь почти три года. Мастерская. Над дверью сохранилась выцветшая табличка: «Лодочная мастерская Ковалёвой». На косяке висело белое объявление с красными буквами: «ПРОДАЁТСЯ». Его прикрепил агент по её просьбе. Точнее, по её короткому письму: «Разместите объявление. Я подпишу документы, когда приеду».

Она не спросила себя тогда, почему написала «когда», а не «если».

Мама умерла в феврале. После похорон Анна вернулась в город, в квартиру с белыми стенами и окнами на соседний дом, где всё было знакомым и уже не подходило. Мастерская осталась у воды, пахла стружкой и машинным маслом, а на верстаке лежали мамины карандаши. Анна прислала агенту фотографии, согласилась на цену и снова уехала. Казалось, про-
дажа — это просто порядок действий. Подписать, передать ключи, закрыть ещё одну дверь.

— Вон, гляди, — сказала женщина в красном шарфе.

Вода отступила ещё на несколько метров. Между тёмными валунами показались первые камни — неровные, скользкие, покрытые полосами водорослей. Дорожка тянулась от берега в сторону маяка, а за ним, ближе к низкому мысу, стояла мастерская. Анна посмотрела на неё и ощутила, как привычное желание отвернуться приходит раньше мысли.

Люди стали спускаться на камни. Женщина повела девочку за руку. Пожилой мужчина пошёл следом, выбирая путь не по прямой, а чуть левее, где валуны лежали плотнее. Никто не спешил, но и не сомневался. Они шли так, будто дорога не открылась перед ними внезапно, а просто на время позволила себя увидеть.

Анна дождалась, пока между ней и группой останется несколько шагов, и тоже спустилась.

Первый камень оказался холодным даже сквозь подошву. Она поставила ногу, перенесла вес, замерла. Ничего не случилось. Второй был покрыт зелёным скользким налётом. Анна переставила ногу на тёмную сухую полосу, как делал мужчина с сумкой.

— На зелёное не ступайте, — бросил он через плечо. — Оно красивое, да только держит плохо.

— Спасибо.

Мужчина кивнул. Девочка оглянулась на Анну, потом ловко перепрыгнула узкую лужицу.

С каждым шагом берег менялся. Отступившая вода оставила после себя мелкие раковины, клочья водорослей, серебристые лужицы, в которых отражались облака. Между камнями шевелились крабы. Один застыл, подняв клешню, словно собирался предъявить претензию незваным путникам. Анна обошла его стороной и невольно улыбнулась.

В городе она привыкла ходить быстро, глядя прямо перед собой. Здесь прямой путь был не самым безопасным. Нужно было замечать выступы, слушать воду, следить за тем, где камень темнеет от влаги. Дорожка требовала не уверенности, а внимания.

Наверное, это и было труднее.

Когда-то мама учила её держать маленькую лодку на воде: не бороться с волной, а чувствовать, куда она несёт. Анна тогда злилась. Ей казалось, что лодка должна слушаться рук, как дверь, как расписание, как список дел. Сейчас она не помнила, сколько раз мама повторяла это. Помнила только собственное раздражение и то, как легко мама смеялась, когда дочь снова хваталась за борт слишком крепко.

У маяка группа разделилась. Рыбаки пошли к лодкам, женщина с девочкой — дальше по косе. Пожилой мужчина свернул к низкой постройке, где у берега лежали обломки старых вёсел.

Анна подошла к мастерской одна.

Она достала из кармана связку ключей. Ключ от двери был тяжёлым, латунным, с круглой головкой. Мама носила его на кольце отдельно от остальных. Анна не помнила, когда послед-

ний раз держала его в руках, но пальцы сами нашли нужный зубец. Замок поддался не сразу. Пришлось нажать плечом на дверь. Та скрипнула и отворилась.

Внутри пахло запертой пылью, солёным деревом и машинным маслом. Свет проникал через мутные стёкла, ложился на верстак и стеллажи. На стене висели струбины, молотки, линейки; на гвозде у двери — рабочий фартук, потемневший на груди. В дальнем углу под брезентом угадывался каркас маленькой лодки.

Анна сняла перчатку и провела пальцами по верстаку. На дереве осталась светлая дуга. В углублении возле края лежали два коротких карандаша, заточенных ножом с обеих сторон. Мама считала, что так карандаш не придётся искать, когда он упадёт.

На стене у окна сохранилась черта, сделанная синим карандашом. Рядом — дата и цифра роста Анны, написанная в детстве неровными буквами. Дальше шли другие отметки. Последняя была сделана в семнадцать лет. Анна задержала на ней взгляд. Она не помнила, чтобы мама когда-нибудь измеряла её после того лета. Возможно, черту провели тайком, когда Анна уже уехала учиться.

Снаружи кто-то прошёл по камням. Шаги стихли. Анна осталась одна среди вещей, которые не могли сказать, что делать, зато помнили, как она сюда возвращалась.

На краю верстака нашёлся старый блокнот в клетку. Она раскрыла его. На первой странице маминым почерком было написано: «Нос лодки держать к волне». Анна закрыла блокнот и убрала обратно. Не потому, что не хотела читать. Потому что пока хватало одного предложения.

Она вынула свой серый блокнот и села на низкую табуретку. Некоторое время смотрела на чистую страницу. Потом вывела заголовок: «Три вещи, которые я пока не готова решать».

Под ним написала:

«1. Продать ли мастерскую.

2. Что сказать Павлу.

3. Куда возвращаться, если прежняя жизнь мне больше не подходит».

Анна перечитала строки. Ни одна не стала легче оттого, что оказалась на бумаге. Но теперь они хотя бы не притворялись делами, которые можно отложить до подходящего времени.

С улицы донёсся короткий свист. Пожилой мужчина стоял у дорожки и показывал рукой на море. Вода возвращалась. Пока медленно, но уже заливала нижние впадины между камнями.

Анна закрыла блокнот. Она ничего не решила о мастерской. Не сняла объявление с двери, не позвонила Павлу, не нашла ответа на третий пункт. Только заперла дверь и положила ключ в карман, а не в чемодан.

На обратном пути она шла увереннее. Не потому, что дорога стала безопаснее, — камни блестели от прибывающей воды, — а потому, что она уже знала, где держаться за тёмные выступы и какие лужи лучше обойти. На берегу женщина в красном шарфе ждала девочку, которая остановилась рассматривать краба. Пожилой мужчина уже поднялся на набережную.

Анна ступила на доски, когда вода почти скрыла начало каменной дорожки. За её спиной море сомкнулось вокруг последних валунов, оставив на поверхности только несколько тёмных пятен.

В гостевом доме хозяйка ставила чашки на полку.

— Успели?

— Да.

— И как там?

Анна сняла пальто. Подол намок, на манжете засохла соль.

— Не так, как я думала.

Хозяйка посмотрела на неё с мягким любопытством, но не стала задавать следующий вопрос. Анна поднялась к себе, взяла телефон и увидела ещё одно сообщение от сестры. На этот раз не открыла старую переписку с Павлом. Написала Лене: «Я в Малом Свете. Сегодня осталась у моря. Позвоню завтра».

Потом нашла номер агента.

— Да, Анна Сергеевна? — ответил он после второго гудка. На заднем плане шумел принтер. — Вы уже добрались? Покупатель может приехать в субботу, я как раз хотел согласовать осмотр.

Анна смотрела на расписание приливов, которое было видно из окна на двери бакалейной лавки.

— Не в эту субботу. Пожалуйста, остановите показы на три недели.

На другом конце помолчали.

— Вы хотите снять объявление?

— Нет. Пока нет. Просто не приводите никого три недели.

— Хорошо. Тогда я отмечу паузу.

— Спасибо.

Она закончила разговор и только после этого заметила, что всё ещё держит телефон обеими руками. За окном гавань темнела. На старом причале кто-то работал у борта небольшой лодки, перебирая мокрый канат. Расстояние не позволяло разглядеть лица, лишь тёмную фигуру на фоне воды.

Анна не знала, кто это. Не стала придумывать.

Она спустилась к хозяйке.

— Можно оставить комнату за мной ещё на три недели?

Та подняла брови.

— Передумали насчёт пары дней?

— Я не передумала. Я просто решила остаться.

— Это разные вещи?

— Сегодня — да.

Хозяйка кивнула и достала из ящика тетрадь с бронями.

— Тогда запишу. Завтра будет прилив, а после обеда снова начнёт уходить. Здесь всё возвращается, даже если не просить.

Анна посмотрела в окно. В темноте вода скрыла каменную дорогу к маяку. Мастерская исчезла за ней, но Анна знала, где она находится. Знала, что завтра сможет снова туда прийти. Не потому, что отыскала верный путь, а потому, что выбрала остаться достаточно долго, чтобы посмотреть.

В комнате она положила ключ от мастерской на подоконник. Рядом оставила блокнот открытым на странице с тремя вопросами. Ответов там по-прежнему не было. Зато впервые за долгое время завтрашний день не казался продолжением чужого расписания.

Незнакомец у старого причала

Утром Анна проснулась раньше будильника, которого не ставила.

За окном серело море. Ночью оно поднялось почти до каменной дороги к маяку, а теперь отступало, оставляя на берегу мокрые водоросли и блеск мелких луж. Ключ от мастерской по-прежнему лежал на подоконнике. Анна взяла его, повертела в пальцах и сунула в карман пальто — не потому, что собиралась что-то решать. Просто без ключа он был бесполезен.

Внизу хозяйка гостиницы наливала кофе в чашки с тонкими синими ободками.

— На старый причал собрались? — спросила она, заметив, как Анна натягивает шарф.

— Я ещё не решила.

— Хорошее место для тех, кто ещё не решил. Там много куда можно смотреть.

Анна улыбнулась, но не стала выяснять, шутит ли хозяйка. В Малом Свете люди говорили так, будто между делом сообщали прогноз прилива, а потом оставляли собеседнику самому выбирать, что с этим делать.

Она вышла на улицу. Воздух пах солью, холодным камнем и дымом из чьей-то печной трубы. Город уже проснулся: у булочной подняли ставни, у магазина разгружали ящики, двое мужчин спорили возле грузовика, кому достанется последний термос. Никто не торопился здороваться с Анной, но и не смотрел на неё с особым любопытством. Здесь она была человеком, которого пока не успели запомнить.

Старый причал начинался за рыбным рынком. Он был длиннее, чем казался с улицы, и уходил в воду неровной серой линией. Доски поскрипывали под ногами. Между ними темнели узкие щели, а у свай поблёскивали следы отступившего прилива. Анна остановилась у ограждения и посмотрела в сторону маяка. По камням туда вела низкая дорога, местами уже открытая, местами всё ещё скрытая водой.

Мастерская находилась где-то за поворотом этой дороги. Вчера Анна запомнила, как выглядела её дверь, но не успела решить, что за ней должно начаться. Может быть, поэтому она снова и снова смотрела туда, словно берег мог предложить ей готовый план.

На дальнем конце причала кто-то работал.

Мужчина сидел на корточках у красно-белого спасательного круга, закреплённого на стойке. Рядом лежали бухта верёвки, гаечный ключ и тканевая сумка с инструментами. На нём была выцветшая куртка береговой спасательной службы; светоотражающая полоса на рукаве местами стёрлась, а эмблема у плеча почти выгорела до серого пятна.

Он продевал новую верёвку сквозь крепление. Движения у него были спокойные и точные. Закончив, он потянул за узел, проверил карабин, затем проверил ещё раз — без нетерпения, будто второе движение было не сомнением, а обязательной частью дела.

Анна прошла дальше. На камнях у конца причала уже показалась узкая полоса сухой земли. Она прикинула глубину: от ступеней до ближайших плит было всего несколько шагов, и вода, казалось, едва покрывала камни.

— Не туда, — сказал мужчина, не поднимая головы.

Анна остановилась.

— Простите?

Теперь он посмотрел на неё. Взгляд у него был ясный, внимательный и совершенно не виноватый.

— Если собираетесь идти к маяку, не спускайтесь здесь. Между плитами промоина.

— Я пока никуда не собираюсь.

— Тогда всё в порядке.

Он вернулся к карабину.

Её задел не столько сам совет, сколько тон, которым он прозвучал. Не грубый — хуже, почти будничным. Так говорят с человеком, который уже ошибся, но ещё не успел этого понять.

— Спасибо, я разберусь, — ответила она.

Мужчина не стал спорить и не предложил проводить её. Только снова потянул верёвку, проверяя узел.

Анна отвернулась к воде. Её реакция была несправедливой, она это знала. Но знание не всегда успевало остановить раздражение. В прежней жизни помощь часто приходила в упаковке заботы, а распаковывалась уже как готовое решение: куда ехать, с кем говорить, чего хотеть. Чем мягче звучало «я просто хочу облегчить тебе жизнь», тем труднее было заметить, что твою жизнь постепенно перестали спрашивать.

После расставания Анна пообещала себе не принимать чужое участие за единственный способ справиться. Она собиралась быть самостоятельной. Иногда, правда, это обещание означало всего лишь: лучше ошибиться самой, чем позволить кому-нибудь оказаться правым за тебя.

Она посмотрела на камни ещё раз. Теперь промоина казалась не такой заметной, но и вода была слишком прозрачной, чтобы в ней можно было уверенно разглядеть дно.

Мужчина продолжал работать. Он очистил крепление от соли, заменил ржавый болт и снова проверил его ключом. Потом проверил соседний. На рукаве куртки, где ткань разошлась по шву, виднелась тёмная полоска поддёва.

— Вы здесь работаете? — спросила Анна, не сразу поняв, зачем произнесла это вслух.

— Сегодня — да.

— Очень содержательный ответ.

— Вопрос был широкий.

В его голосе не было улыбки, но на этот раз Анна услышала в нём сухую насмешку, направленную скорее на вопрос, чем на неё.

— Ремонтируете буй?

— Спасательный круг. Проверка причала в четверг. Если верёвку заклинит, он не особенно поможет.

Он поднял конец троса, пропустил его между пальцами и расправил виток. Крепление снова потянул на себя — один раз, потом второй.

— Вы спасатель? — спросила Анна.

— Был в береговой службе. Теперь отвечаю за оборудование. И за то, чтобы его проверяли до того, как кому-нибудь понадобится.

— Звучит разумно.

— Иногда даже получается.

Он сказал это без хвастовства и без ложной скромности. Анна заметила, что в этой короткой фразе не было попытки произвести на неё впечатление. Ей стало немного легче. С человеком, который не старался понравиться, было проще не искать скрытого условия.

Ветер пошевелил воду у свай. На поверхности появились мелкие рябые полосы, и берег на миг распался на отдельные серые куски. Анна снова посмотрела на проход к маяку.

— А где именно промоина?

Мужчина отложил ключ, но не поднялся.

— В середине, между двумя низкими плитами. Сверху кажется, что там мелко. На деле вода вымыла песок под камнем.

— То есть идти нельзя?

— Можно. Только не там.

Анна хотела спросить, откуда он знает, но ответ был очевиден: куртка, причал, работа, которую он выполнял не первый раз. И ещё — манера смотреть на воду не как на красивый фон, а как на вещь, у которой есть собственные правила.

— Покажете, где можно?

Слова вышли ровнее, чем она ожидала. Мужчина поднялся и вытер руки о тряпку. Не подошёл к ней вплотную, не протянул руку, не заговорил так, будто её вопрос передавал ему право распоряжаться. Только указал на стойки у края причала.

— Видите две белые метки?

Анна прищурилась. На ближайшей свае была выкрашенная белым прямоугольная полоска. Дальше, на камне, виднелась ещё одна — почти стёртая, но всё-таки заметная.

— Да.

— Держитесь между ними. Не по самой кромке. Там камни сдвинуло прошлой зимой.

— А если вода поднимется?

— Тогда не идите по нижней дороге. Сейчас отлив, до полудня проход будет открыт. Потом вода снова накроет часть плит.

Он объяснял без лишних подробностей. Не говорил «делайте так», а показывал, на что смотреть. Анна проследила взглядом от одной метки к другой. Между ними лежала полоса камней, шире, чем казалась с причала. До маячной дороги можно было добраться, не ступая на опасный участок.

— Так лучше? — спросил он.

— Да. Теперь понятно.

Он кивнул и снова занялся спасательным кругом.

Анна тоже не двинулась сразу. Её удивило, что после вопроса она не почувствовала себя обязанной благодарить его за что-то большее, чем короткую подсказку. Она сама спросила. Он ответил. Между ними не возникло никакого долга, который следовало бы срочно оплатить доверием.

— Вы давно здесь? — спросил мужчина, не поднимая головы.

— Позавчера приехала.

— Тогда неудивительно, что смотрите на воду как на карту.

— А как на неё смотрят местные?

— Как на воду.

Анна фыркнула. На этот раз он всё-таки улыбнулся, но едва заметно, будто не хотел придавать улыбке лишнего значения.

— Я Марк, — сказал он после паузы. — Кажется, я ещё не видел вас в городе.

— Анна.

— Это объясняет, почему я вас не видел.

— Очень убедительно.

— Я стараюсь не делать выводов раньше времени.

Он затянул последний узел и потянул за верёвку. Проверил крепление ещё раз, удовлетворённо кивнул и принялся укладывать бухту так, чтобы она не запуталась. При движении рукав куртки сдвинулся. На его запястье были часы с потёртым кожаным ремешком. Стрелки застыли на восьми семнадцати.

Анна посмотрела на циферблат, затем на него.

— Часы остановились.

Марк глянул на запястье.

— Да.

— И вы всё равно их носите?

— Привычка.

— Очень точное время они показывают.

— С восьми семнадцати я ни разу не опоздал.

Теперь улыбка появилась у Анны самой. Небольшая, почти незаметная, но настоящая.

— Это часы отца, — добавил Марк, снова поворачиваясь к инструментам. — Он носил их, когда работал в порту. Я всё собираюсь отнести в ремонт.

Он не сказал, почему до сих пор не отнёс. Анна не спросила. В его голосе не было приглашения заглянуть глубже, и она не стала путать разговор с разрешением.

— А мастерская вон там, у дороги к маяку? — спросил он, заметив ключ, который выступал из кармана её пальто.

Анна прикрыла карман ладонью — движение вышло почти незаметным, но она всё равно его заметила.

— Да.

— Вы собираетесь там работать?

— Пока не знаю, что там буду делать.

— Понятно.

Он не спросил, почему она взяла мастерскую или на что рассчитывает. Не предложил придумать для неё назначение. Не сказал, что всё получится, если только она начнёт. Просто принял ответ как ответ, а не как пробел, который нужно немедленно заполнить.

— Вы уже были внутри? — спросил он.

— Вчера. Там пахнет пылью, деревом и морем.

— Значит, дверь ещё держится.

— А это хороший знак?

— Для старой мастерской — вполне.

Анна посмотрела на него. Он снова занимался креплением, но теперь время от времени поглядывал в сторону воды. Не на неё, и всё же ей казалось, что он помнит о её присутствии. Его взгляд задержался на её лице всего на секунду, когда она улыбнулась. Этого было достаточно, чтобы она заметила цвет его глаз — не яркий, не редкий, просто серо-зелёный, как вода в пасмурный день.

Она поймала себя на том, что хочет спросить, часто ли он здесь бывает. Вопрос показался ей преждевременным, и она оставила его при себе.

— К полудню ветер сменится, — сказал Марк, взглянув на запад. — Может пойти дождь.

— Это вы тоже знаете по воде?

— По облакам. Вода пока ничего не сказала.

— Значит, в прогнозе вы не так надёжны.

— В прогнозе я осторожнее.

Он произнёс это просто, без вызова. Анна снова посмотрела на небо. Низкие облака над мысом постепенно сгущались, но пока не обещали ничего страшного.

— Если соберётесь к мастерской, лучше идите сейчас, — добавил Марк. — По верхней тропе дорога длиннее, зато там не зависит от отлива.

— Я могу сама выбрать дорогу.

— Конечно.

Он не стал уточнять, что именно эту дорогу и посоветовал. Анна оценила это больше, чем хотела бы признать.

— А вы завтра здесь? — спросила она.

— До проверки буду.

Она кивнула. Это не было обещанием вернуться и не было приглашением. Просто теперь у причала появилось лицо, которого утром не было. И место, где она могла задать вопрос, если захочет.

Анна пошла к каменной дороге. У первой метки остановилась, сверилась со второй и выбрала проход между плитами. Там, куда она собиралась ступить вначале, вода действительно скрывала тёмную щель. Камень возле неё выглядел гладким и надёжным. Теперь Анна видела, что надёжным он только притворяется.

Она прошла по отмеченной полосе, не спеша и не оглядываясь на каждом шагу. У поворота к маяку всё-таки обернулась. Марк снова сидел у спасательного круга. Он подтягивал узел и проверял крепление — дважды, как и прежде.

Мастерская встретила её запахом холодной древесины и пыли. Анна достала ключ, открыла дверь и вошла. Внутри было темнее, чем она помнила: свет просачивался через мутное окно, ложился на верстак и на пустую стену, где когда-то висели инструменты. В углу стоял стул с одной короткой ножкой, у раковины блестела полоса засохшей соли.

Она всё ещё не знала, что будет делать с этим местом. Не знала, останется ли здесь дольше трёх недель, сумеет ли снова поверить собственным решениям и захочет ли однажды рассказать Марку, почему вопрос о помощи оказался для неё таким непростым.

Но она знала, как пройти к мастерской безопасно. И знала, что сама попросила об этом.

Анна поставила сумку на верстак и распахнула окно. Снаружи шумело море. Где-то за поворотом, на старом причале, металл коротко звякнул о металл.

Разговор, начавшийся с погоды

Утром Анна обнаружила на подоконнике мастерской тонкую полоску песка. Вчера она закрыла окно перед уходом, но ветер, очевидно, нашёл способ сообщить, что не считает это окончательным решением.

Она смахнула песок ладонью, налила себе кофе из термоса и раскрыла блокнот. На первой странице стояли три пункта: проверить мастерскую, найти человека, который посмотрит на протекающую раковину, не покупать ничего, пока не станет понятно, что здесь вообще можно сохранить.

Последний пункт она подчеркнула. Потом ещё раз.

У причала было пасмурно, но дождя пока не было. Анна заметила Марка у крайней сваи: он проверял узел на канате, подтягивая его короткими уверенными движениями. Рядом качалась небольшая лодка. На её борту облупилась синяя краска.

— Вы опять проверяете крепление дважды? — спросила Анна.

Марк поднял голову.

— Сегодня только один раз.

— Прогресс.

— Не хочу хвастаться раньше времени.

Он затянул узел и отступил, оценивая результат. Анна раскрыла блокнот, хотя никаких вопросов о канатах у неё не было.

— Небо выглядит так, будто собирается извиниться за вчерашний ветер, — сказал Марк.

Анна посмотрела вверх. Низкие облака лежали над крышами, за мысом виднелась узкая полоса светлой воды.

— Это прогноз или художественное впечатление?

— Местный прогноз.

— То есть без температуры, вероятности осадков и временных рамок?

— С температурами у нас всё сложно. Море в любой момент может внести поправки.

— Я проверила приложение. Дождь обещают после четырёх.

— А сейчас?

— Сейчас одиннадцать.

— Значит, у нас почти пять часов.

— Если приложение не ошиблось.

— Если бы оно не ошибалось, половина города перестала бы смотреть на небо. А это была бы культурная потеря.

Анна убрала блокнот в сумку.

— Вы всегда так говорите о погоде?

— Только когда не знаю, что ещё сказать.

Он произнёс это легко, почти шутливо. Анна не сразу поняла, стоит ли отвечать. За прошедшие сутки она успела представить их разговор в нескольких вариантах: короткое приветствие, вежливый вопрос о том, нашла ли она мастерскую, обмен полезными сведениями. Ничего в этих вариантах не требовало от неё импровизации.

— Удобная тема, — сказала она наконец. — Погода никому не принадлежит.

— И не просит объяснить, почему ты приехала.

Слова повисли между ними. Марк отвёл взгляд к лодке, словно только сейчас заметил, что синяя краска на борту почти сошла.

— Пока не просит, — сказал он. — Но это поправимо.

Анна улыбнулась краешком рта.

— Вы слишком часто читаете небо. Оно начинает ожидать от вас личного внимания.

— А вы слишком часто проверяете прогноз. Он начинает думать, что вы ему доверяете.

— Я доверяю цифрам.

— Цифры просто хорошо держат лицо.

Марк взял с причала моток тонкой верёвки и понёс его к лодке. Анна пошла рядом, сама не решив, куда именно направляется. У причала ветер дул с моря, но теперь в нём появилась прохладная влажность. Где-то за домами хлопнула незакреплённая ставня.

— Вот, — сказал Марк. — Слышите?

— Ставню?

— Ветер повернул. Когда он идёт с востока, сначала хлопают ставни, потом начинают ругаться рыбаки.

— А когда ругаются рыбаки?

— Значит, дождь уже начался.

— Очень точная система.

— Проверенная поколениями.

— Городская метеослужба могла бы сэкономить на приборах.

— Приборы не умеют ругаться. В этом их слабое место.

Они дошли до рыбной лавки у поворота. Над входом висела деревянная табличка с нарисованной серебристой рыбой, у которой было подозрительно человеческое выражение лица. На пороге стояли пластиковые ящики. Женщина в резиновом фартуке пересчитывала их, заглядывая в каждый с видом бухгалтера, которому снова принесли неверный отчёт.

— Если сейчас пойдёт дождь, мы оба проиграем, — сказала она, не отрываясь от ящиков.

— А если не пойдёт? — спросил Марк.

— Тогда проиграю только я. Я поставила на дождь.

— У кого?

— У себя. Я давно не доверяю людям с деньгами.

Марк наклонился к ней:

— Роза, это Анна. Она хочет точный прогноз.

— Тогда пусть идёт в городскую администрацию, — сказала Роза. — Там любят точные ответы. Даже когда их нет.

Анна рассмеялась. Роза взглянула на неё поверх ящика.

— Значит, вы та, что в мастерской?

— Да.

— Ключ подошёл?

— Подошёл.

— Уже достижение. У нас в городе некоторые двери после долгого отсутствия начинают считать себя самостоятельными.

Небо над улицей потемнело так быстро, что Анна решила проверить телефон. Она достала его, но первый крупный дождевой удар пришёлся прямо на экран. Марк поднял воротник куртки.

— До четырёх, говорили?

— Похоже, приложение имело в виду четыре часа назад.

Дождь хлынул сразу, плотный и шумный. Вода побежала по мостовой к решёткам, ветер толкнул дверь лавки, и Роза, придерживая её плечом, крикнула:

— Внутрь! Пока мои ящики не уплыли, помогите им сохранить достоинство.

Марк подхватил два ящика и занёс их под навес. Анна взялась за третий. Он оказался тяжелее, чем выглядел.

— Там рыба? — спросила она, ставя его у стены.

— Нет, — ответила Роза. — Камни. Я держу ими дверь, чтобы её не унесло. Конечно, рыба. Осторожно, крышка плохо сидит.

Внутри пахло солью, льдом и свежей рыбой. Роза отодвинула ведро от входа и снова принялась считать ящики, загибая пальцы. За стеклом вода стекала неровными дорожками, сливаясь в мутные ручьи. Марк закрыл дверь, и гул дождя стал глуше, но не тише.

— Так, — сказала Роза. — Восемь ящиков. Один, два, три. Марк, не стой столбом, возьми полотенце.

— Я только что спасал рыбу.

— Рыба не жалуется. Стол жалуется. Вытри.

Марк взял полотенце со спинки стула. Анна сняла мокрый шарф и повесила его на крючок у двери.

— Вам чего-нибудь? — спросила Роза. — У меня чай. Кофе не советую. Я берегу людей от необдуманных решений.

— Чай, пожалуйста, — сказала Анна.

— Мне тоже, — сказал Марк.

— Ты здесь не гость.

— Тем более.

Роза поставила чайник. Пока он зашумел, Анна наблюдала за дождём. По стеклу бежали быстрые капли, а у края окна собиралась тонкая струйка.

— Здесь часто так резко начинается? — спросила она.

— В начале осени — часто, — ответил Марк. — Сначала море темнеет у внешнего мола. Потом ветер меняет направление. А потом кто-нибудь говорит, что дождя не будет.

— Это вы?

— Обычно.

— Значит, вы не столько читаете признаки, сколько проверяете, насколько вас можно наказать за самоуверенность.

— Суровый, но справедливый способ прогнозирования.

— А местные всегда смотрят на море?

— Не всегда. Некоторые смотрят на соседей. Если соседка с третьего этажа сняла бельё, будет дождь. Если оставила — значит, решила бросить вызов природе.

— Кто обычно выигрывает?

— Природа. Но соседка не признаёт поражения.

Роза поставила на стол три чашки. В чай она добавила дольку лимона, а Марку протянула без сахара.

— Ты же не пьёшь сладкий чай, — заметила Анна.

— Он просто запомнил, — сказала Роза, прежде чем Марк успел ответить. — Здесь это считается добрым поступком. Не романтическим. Не придумывайте лишнего, а то я устану слушать.

Марк чуть не поперхнулся чаем.

— Роза, ты можешь хотя бы не объявлять всё заранее?

— Могу. Но тогда люди начинают надеяться.

Анна опустила взгляд в чашку, скрывая улыбку. На секунду между ними возникла тишина — не тяжёлая, но заметная. Роза снова занялась ящиками, словно оставила их наедине не случайно, а по расписанию.

— Вы давно знакомы? — спросила Анна.

— С детства, — ответил Марк. — Роза продавала рыбу моему отцу. Мой отец считал, что если покупает у неё десять лет, то может торговаться.

— Мог?

— Нет. Но он каждую неделю пытался.

— А вы?

— Я покупаю без торга. Это мой личный вклад в семейный мир.

— Удобно.

— Не всегда. Иногда Роза всё равно повышает цену.

— Я повышаю цену не за рыбу, — сказала Роза из-за прилавка. — Я повышаю её за терпение.

Дождь ударил по стеклу сильнее. Анна взяла чашку обеими руками.

— Вы говорили, что ветер повернул. Как поняли?

— По флагу у лодочной станции. Он сначала провис, потом дёрнулся на север. И по запаху.

— Запаху?

— Ветер с моря приносит водоросли. С суши — дым и мокрую землю. Не всегда, конечно.

— А если запахи спорят между собой?

— Тогда я не спорю с прогнозом и беру куртку.

— Вот это звучит разумно.

— Я умею быть разумным. Просто не делаю из этого привычку.

— А приливы тоже так читают?

— Приливы можно смотреть в таблице. Тут вы победите.

— Хорошо. Хоть где-то у меня есть преимущество.

— Только если таблица не устарела, — сказал Марк. — У старого причала вода иногда приходит чуть раньше.

— Почему?

— Камни меняют течение. Шторм сдвинул песок прошлой зимой. С тех пор местные говорят, что море торопится.

— Море вообще куда-то торопится?

— В этом городе всё торопится, кроме автобуса.

— Я уже заметила.

— Вы успели воспользоваться автобусом?

— Один раз. Он приехал на семь минут раньше расписания, а я стояла на другой стороне дороги, потому что пыталась понять, где остановка.

— И что сделали?

— Побежала.

— За автобусом?

— За собственной репутацией. Я не хотела, чтобы город решил, будто я приехала сюда без плана.

Марк посмотрел на неё внимательнее.

— А вы приехали с планом?

Анна сделала глоток. Чай оказался крепким и слишком горячим.

— Список дел, — сказала она. — Это не одно и то же.

— Нет. Список дел можно переписать.

— План тоже.

— Можно. Только некоторые люди пишут его так, будто бумага обязана их защищать.

Анна поставила чашку на стол.

— А вы?

— Я предпочитаю держать всё в голове.

— Это, должно быть, очень надёжно.

— Нет. Но так хотя бы не приходится винить бумагу.

Снаружи по окну стекала вода. Капли соединялись, оставляя прозрачные дорожки, искажая вывеску через дорогу. Анна смотрела на них, пока не поймала себя на том, что выбирает слова.

— Почему вы вернулись? — спросила она.

Марк не ответил сразу. Роза перестала считать ящики. Потом снова взялась за работу, но медленнее.

— К причалу? — переспросил он.

— В город. Хотя, если хотите, можно начать с причала.

— Это не один и тот же вопрос.

— Я заметила.

Он обхватил чашку ладонями. На его большом пальце была тонкая белая полоска старого шрама.

— Я уезжал лет десять назад, — сказал он. — Думал, что здесь всё слишком тесное. Все знают, кто ты, чей ты сын и что должен сделать дальше.

— А теперь?

— Теперь знаю, что в других местах люди не знают, чей ты сын. Это не всегда свобода. Иногда это просто одиночество с хорошим видом из окна.

Анна не стала задавать следующий вопрос. Его ответ был правдой, но не всей. Она услышала это в паузе после последнего слова.

— Вы вернулись из-за семьи? — спросила она осторожно.

— Частично. Отец заболел. Потом ему стало лучше. А я уже успел привыкнуть к тому, что нахожусь здесь.

— Это всё?

— Нет.

Он произнёс это без вызова, скорее как просьбу не принимать короткий ответ за полное признание.

— Но пока достаточно, — добавил Марк.

— Да, — сказала Анна. — Пока достаточно.

Она подумала о том, как легко было бы спросить дальше. Что случилось? Почему он остался? Почему именно причал? Но эти вопросы прозвучали бы не как любопытство. Они потребовали бы от него открыть дверь, которую он только приоткрыл. Анна знала, каково это — услышать вопрос раньше, чем успела понять, готова ли отвечать.

Марк посмотрел на неё.

— А вы почему приехали одна?

Вопрос был задан негромко, без нажима. И всё же Анна почувствовала, как пальцы крепче обхватили чашку.

— Разбираю дела мамы, — сказала она.

— Она жила здесь?

— Да. В мастерской, где я вчера была.

— Я не знал, что это была её мастерская.

— Она не работала там последние годы. Я тоже не знаю, что с ней делать.

— С мастерской?

— И с тем, что осталось внутри.

Марк кивнул. Он не сказал, что всё станет легче. Не спросил, почему она приехала одна, раз уж мог бы помочь. Не попытался немедленно предложить решение.

— Вы привезли с собой список? — спросил он вместо этого.

— Привезла.

— И уже переписывали?

— Один пункт дважды.

— Это хороший знак.

— Почему?

— Значит, вы хотя бы заметили, что первый вариант не работает.

— У вас все признаки ведут к обнадеживающему прогнозу?

— Нет. Иногда они ведут к дождю.

Анна коротко рассмеялась. Потом улыбка исчезла, но не целиком.

— Я не хотела приезжать сюда одна, — сказала она и тут же поправилась: — То есть не хотела, чтобы всё это пришлось решать одной. Это разные вещи.

— Понимаю.

Он не стал уточнять, какая именно часть ей казалась трудной. Анна впервые за долгое время не почувствовала необходимости объяснить себя до конца, чтобы её ответ приняли всерьёз.

Роза захлопнула последний ящик.

— Восемь, — объявила она. — Все на месте. Значит, дождь пока ничего не украл.

— У воды плохая репутация в этом городе, — сказал Марк.

— У воды прекрасная репутация. Это люди забывают убирать вещи с порога.

Роза вынесла пустое ведро к двери и заглянула на улицу.

— Ослабевает. Через пять минут можно будет идти. Если кто-то из вас хочет дожидаться сухого неба, придётся ночевать у меня. Плата — два ящика и никакого разговора о погоде.

— Тогда я готов рискнуть, — сказал Марк.

Анна взглянула на окно. Дождь и правда стал реже. На стекле ещё оставались широкие потоки, но между ними появились просветы.

— Вы собирались куда-то? — спросила она.

— На дальний конец берега. Проверить, не смыло ли доски у лестницы.

— Там, где тропа идёт за старым молом?

— Да. Почему?

— Я хотела посмотреть, можно ли от мастерской пройти туда пешком. Мне нужно понять, что там осталось, прежде чем решать, за что браться.

— Я могу показать дорогу.

Слова прозвучали просто. Не как обещание исправить её планы и не как приглашение немедленно довериться. Всего лишь путь, который он знал лучше.

Анна подумала о вчерашней просьбе: как пройти к мастерской безопасно. Тогда она приняла подсказку и всё равно сама выбрала, куда идти. Сегодня можно было сделать так же.

— Хорошо, — сказала она. — Но сначала я допью чай.

— Это разумно.

— Не привыкайте.

— Я постараюсь.

Роза повернулась к ним с полотенцем в руках.

— Только не уходите по самой кромке. После такого дождя песок оседает. И если Марк скажет, что там сухо, не верьте ему.

— Я не говорил, что сухо.

— Вот и продолжай.

Они попрощались с Розой и вышли под навес. Дождь ещё шёл, но уже не бил по земле, а словно медлил, решая, стоит ли прекращаться. Марк поднял воротник. Анна снова повязала шарф, оставив один конец длиннее другого.

— Ветер всё ещё с моря? — спросила она.

Марк посмотрел на флаг у станции.

— Пока да.

— А потом?

— Потом посмотрим.

Анна достала телефон, глянула на экран и убрала его, не открыв прогноз.

— Ладно, — сказала она. — Сегодня попробую ваш способ.

— Смотреть на флаг?

— Не требовать от него гарантии.

Марк улыбнулся, но ничего не ответил. Они постояли ещё секунду, каждый со своей чашкой уже остывшего чая внутри и с вопросами, на которые пока не было нужды отвечать.

Потом Марк направился к береговой тропе, и Анна пошла рядом. Между ними оставалось немного расстояния — достаточно, чтобы не притворяться близкими, и достаточно мало, чтобы не потерять друг друга из виду.

Берег, по которому идут вдвоём

Первые несколько минут они шли молча. Тропа тянулась над берегом, то сужаясь до ширины двух подошв, то расправляясь между низкими соснами. Дождь уже перестал, но с веток ещё падали тяжёлые капли. Ветер тянул Анну за полы пальто, за длинный конец шарфа, и каждый раз, когда она поправляла его, Марк почти одновременно поднимал воротник своей куртки.

С моря доносился глухой рокот. В одной бухте волны шуршали по гальке, будто перетаскивали камешки с места на место. В другой — за выступом скал — вода ударяла о берег с таким звуком, словно хлопала дверью.

— Здесь всегда слышно, где берег поворачивает, — сказал Марк. — Даже если не видно. Анна повернула голову в сторону шума.

— Значит, у каждой бухты свой голос?

— Примерно. Но некоторые меняют его, когда подходит прилив.

Она взглянула на него.

— А вы умеете различать?

— Не всегда. Иногда просто делаю вид.

В его тоне не было ни гордости, ни желания казаться знатоком. Анна улыбнулась и снова посмотрела на тропу. Ей понравилось, что он не стал превращать ответ в урок. Она всё ещё могла идти рядом, не становясь ученицей.

Через несколько минут тропа вывела их к развилке. Верхняя дорожка огибала заросший склон и уходила к старой каменной стене. Нижняя спускалась к воде по неровным ступеням, почти сплошь покрытым бурой водорослью. За ней, дальше по берегу, находилась мастерская. Анна замедлила шаг.

Она хотела увидеть, что после дождя осталось у нижнего края стены возле мастерской. Не потому, что уже знала, что будет делать. Скорее, ей нужно было посмотреть на место своими глазами, прежде чем решать, с чего начать. Но стоило подумать о приливе, как в голове возникал знакомый вопрос: а вдруг она выберет не тот час, не ту дорогу, не ту точку, откуда можно будет безопасно вернуться?

И за ним сразу другой: а вдруг придётся снова просить о помощи.

— Мне нужно к участку возле мастерской, — сказала она. — Посмотреть на нижнюю стену. Но я не уверена, сколько у нас времени до подъёма воды.

Марк посмотрел сначала на развилку, затем на её лицо.

— Могу пройти с вами до старых отметок. Проверим, где сейчас вода относительно них. Дальше маршрут выберете сами.

Анна сцепила пальцы в карманах пальто.

— Я не хочу, чтобы вы вели меня так, будто я ничего здесь не знаю.

— Не буду.

— И не хочу, чтобы вы решили за меня, куда идти.

— Тоже не буду.

Он ответил без обиды и без улыбки, как будто она сообщила ему нечто важное, что следовало принять всерьёз. Ветер качнул ветви над ними. С дороги скатились две капли, одна попала Анне на щёку.

— Тогда до стены, — сказала она. — А там остановимся и решим.

— Хорошо.

Она шагнула на верхнюю тропу, хотя нижняя казалась короче. Не потому, что выбрала безопасный путь за неё. Просто сейчас ей хотелось сначала увидеть стену сверху.

Марк пошёл рядом, но не впереди. Их шаги не совпадали. Он двигался ровно, неторопливо, будто прислушивался к земле под подошвами. Анна шла быстрее и время от времени обгоняла его на полшага, затем замечала, что между ними выросло расстояние, и сбавляла темп. Через некоторое время она перестала это отслеживать. Иногда она опережала его. Иногда он оказывался рядом. Ни один из них не превращал разницу в проблему.

С верхней дорожки открывался узкий вид на берег. Море отступило, оставив между водой и стеной полосу мокрых камней. На некоторых из них темнели нити водорослей, и от них пахло солью, холодной землёй и чем-то железным. Ветер трепал одежду, влезал под ворот и заставлял щуриться.

У стены обнаружилась металлическая табличка, почти скрытая плющом. На ней ещё можно было разобрать несколько слов: «Старая тропа. Проход закрыт».

За стеной склон уходил вниз, к каменным ступеням. Их верхняя часть была целой, но дальше путь терялся под обвалившимися плитами и зарослями. Ржавую цепь давно сняли, оставив на камне два пустых крепления. Дорожка не исчезла совсем. Она лишь стала похожа на след, который город пытался забыть и не сумел.

— Я думала, сюда можно спуститься, — сказала Анна.

— Можно было. Раньше эта тропа выходила почти к вашей мастерской.

— Вы знали о ней?

— В детстве ходил здесь с отцом. Потом склон повело после большого шторма. Проход закрыли, а потом перестали чинить.

Марк произнёс это буднично, но задержал взгляд на пустых креплениях. Анна не стала спрашивать, почему он помнит. Может быть, потому, что сама знала: некоторые места остаются в памяти не из-за того, что в них происходило, а из-за того, с кем ты там был.

Он присел у стены и провёл пальцем по камню. Под тонким слоем мха обнаружились короткие насечки: несколько горизонтальных линий, а рядом — цифры, почти стёртые временем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.